

АНАСТАСИЯ ГЛАДОЩУК

Паломники красной земли

[229]

ИЛ 6/2019

В XX веке Мексика радушно приняла небывалое число европейских писателей, философов и деятелей искусства. Разными были причины, приводившие их в Новый Свет: одни совершали “паломничество” в край “чудесной реальности” и кровавых жертвоприношений, страну индейцев и революционеров; проезд других был обусловлен политической конъюнктурой и войной. В длинном ряду имен — Константин Бальмонт, Дэвид Герберт Лоуренс, Владимир Маяковский, Игорь Стравинский, Марк Шагал, Олдос Хаксли, Луис Бунюэль, Грэм Грин, Леонора Каррингтон и т. д. — за каждым из которых стоит своя история творческого взаимодействия с мексиканской природой и культурой, или, говоря словами С. Эйзенштейна, своя история “мексиканской болезни”¹, выделяются имена французские.

Со времен таможенника Руссо и Гийома Аполлинера Мексика занимала важное место в воображении французских авангардных художников, особую же роль в формировании “мексиканского мифа” сыграли сюрреалисты. Именно они обогатили этот миф личными свидетельствами и проверили его на прочность, войдя с Мексикой в непосредственный контакт. Первым, кто ступил на земли существовавшего на грани утопической мечты и реальности континента, был Антонен Арто, два года спустя в страну мечты своего детства приезжает Андре Бретон, еще через четыре года в Мексику эмигрирует Бенжамен Пере, немногим позже туда направится и Филипп Супо. Сюрреалисты искали в Мексике неиссякаемый источник “романтической”², революционной энергии — как в духовном, так и в политическом смысле.

Арто прожил в стране почти девять месяцев, с 7 февраля по 31 октября 1936 года. За это время он прочитал три лек-

© Анастасия Гладощук, 2019

1 “Люди, побывавшие в Мексике, встречаются, как братья. Ибо люди, побывавшие в Мексике, — болеют ‘мексиканской болезнью’”. — “Чудесная реальность” Мексики в русском зеркале: Из века шестнадцатого в век двадцать первый / Сост. Л. М. Бурмистрова. — М.: Рудомино, 2008. — С. 277.
2 Cit.: Bradu F. André Breton en México. México: Fondo de Cultura Económica, 2012. P. 40. Из интервью Бретона Хосе де Х. Нуньес-и-Домингесу (декабрь 1937 г.).

ции в столичном университете и написал порядка двадцати статей, в которых выражал глубоко индивидуальное, исполненное революционных надежд видение Мексики. В письме от 21 мая 1936 года Арто сообщал Жану Полану, что один мексиканский издатель предложил ему собрать в книгу все написанные им об автохтонной культуре Мексики тексты, добавив к ним несколько эссе о театре и языке, и что называться она будет “Революционные послания” (“Messages révolutionnaires”). Издание так и не осуществилось, но в 1962 году Луис Кардоса-и-Арагон — гватемальский поэт, много лет проживший в Мексике, где в 30-е годы он становится проводником европейского авангарда, — возрождает проект и, собрав все напечатанные Арто в мексиканской прессе статьи и заметки, издает их отдельной книгой: большая часть текстов известна только в переводах на испанский, а они порой делались коллективно и наспех в шумных кафе. Среди них особый интерес представляет эссе “Вечная культура Мексики”, опубликованное на страницах газеты “Эль Насиональ” 13 июля 1936 года.

Заглавие, которое Арто намеревался дать сборнику своих мексиканских эссе, указывает на то, что он возлагал на себя определенную миссию. В письме Жану-Луи Барро от 17 июня 1936 года Арто говорил: “Вот уже месяц как я регулярно пишу для “Насиональ Революсионарио” [“Эль Насиональ”] — газеты мексиканского правительства. Все это не имело бы никакого интереса, если бы статьи не давали мне возможность отстаивать мою единственную концепцию и *распространять* [курсив Арто] те самые идеи, для выражения которых я приехал сюда. Мало кто в действительности понял настоящую цель моей поездки в Мексику. <...> Мне необходимо найти одну драгоценную вещь; когда она будет у меня в руках, я смогу — это случится само собой — осуществить ту *истинную* [курсив Арто] драму, которую должен исполнить”¹.

Направляясь в Мексику, Арто был движим мечтой соприкоснуться с “Индийской Революцией”²: “Вы, возможно, знаете, что в настоящий момент Европа живет огромной иллюзией, чем-то вроде коллективной галлюцинации о Мексиканской Революции. Еще немного — и европейцы станут думать, что современные мексиканцы в костюмах своих предков действительно приносят жертвоприношения солнцу на ступенях пирамиды в Теотиуакане. Уверяю вас, я не шучу. Во всяком

1. Artaud A Œuvres complètes, vol. VIII. P.: Gallimard, 1971. P. 363.

2. Ibid., p. 359.

случае, ходили слухи о масштабных театральных постановках на этой пирамиде, и никто не сомневается в том, что в Мексике оформилось антиевропейское движение, участники которого желают, чтобы генерирующей идеей Революции стало возвращение к докортесовой традиции. Эта фантазия распространена в самых прогрессивных интеллектуальных кругах Парижа. Одним словом, европейцы считают, что Мексиканская Революция — это революция индейской души, революция, целью которой является отвоевание *индейской души* [курсив Арто] в той форме, в какой она существовала до Кортеса¹. Именно поэтому в статье с выразительным заглавием “Зачем я приехал в Мексику” поэт подчеркнуто обращается не к мексиканским художникам, а к мексиканским политикам с призывом совершить новую, бескровную революцию, целью которой будет возрождение “истинной культуры”² — культуры индейской — синтетической, вечной, единой, “воплощенной” — в противовес умозрительной европейской. Мексика, по мысли Арто, призвана научить механизированную Европу “новой концепции человека”, которая поможет выявиться связующим человека и природу “аналогическим силам”³. В поисках забытого магического знания Арто в качестве корреспондента упомянутой газеты едет на север страны, к индейцам тараумара: заслужив их доверие, он примет участие в ритуальной церемонии и испытает на себе действие галлюциногенного кактуса пейотля. На протяжении всех оставшихся двенадцати лет жизни Арто будет постоянно возвращаться к Мексике в своих текстах: последний из них, посвященный ритуалу черного солнца “Тутугури”, он завершил незадолго до смерти.

Вслед за Арто Мексика принимает самого мэтра сюрреалистического движения. 18 апреля 1938 года вместе со своей женой, Жаклин Ламба, Бретон высаживается в порту города Веракрус, где их берет под опеку Диего Ривера, предоставив в распоряжение супругов свой знаменитый дом в колонии Сан-Анхель — две соединенные мостом полупрозрачные кубические мастерские (в одной работал сам Диего, в другой — Фрида Кало). Хотя приезд Бретона был подготовлен и встречен рядом обстоятельных публикаций, его культурно-просветительская миссия не имела ожидаемого успеха: из шести за-

1. Artaud A México / Prólogo y notas de Luis Cardoza y Aragón. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1962. P. 52–53.

2. Artaud A Œuvres complètes, vol. VIII. P.: Gallimard, 1973. P. 257.

3. Ibid. P. 66–72.

планированных в университете Мехико лекций состоялась только одна, в прессе в скором времени стали звучать голоса противников Бретона. Однако в конце июня, стараниями мексиканских друзей мэтра, ему удастся дважды выступить во Дворце изящных искусств. Сюрреализм не был широко принят мексиканской аудиторией по причинам как эстетического, так и политического характера: Бретону ставили в вину его связь с Л. Д. Троцким, приезд которого лоббировал тот же Ривера — в ноябре 1936 года художник обратился к президенту Ласаро Карденасу с просьбой предоставить Троцкому политическое убежище и выразил готовность поселить его в своем доме. В соавторстве с Троцким Бретон пишет знаменитый манифест “За революционное независимое искусство”.

Как и Арто, Бретон прибыл в Мексику с намерением испытать сложившиеся еще в Европе концепции и представления. На мексиканской земле материализуется то состояние духа, которым, как признавался Бретон в “университетском” интервью Рафаэлю Элиодоро Валье, он “дорожит”¹ — черный юмор. Предчувствие “избранности” Мексики возникло у поэта еще до поездки, когда он открыл для себя знаменитого мексиканского художника Хосе Гуадалупе Посада: в сопроводительной заметке к трем гравюрам, напечатанным в № 10 журнала “Минотавр” (“Bois de Posada”, декабрь 1937 года), Мексика, с ее “великолепными погребальными игрушками”, названа “излюбленной землей черного юмора”² (la terre d'élection de l'humour noir). Хрестоматийными стали слова, произнесенные во время упомянутого интервью: “Мексика призвана быть истинно сюрреалистической землей. Я открываю ее сюрреалистичность в рельефе, флоре, динамизме, который ей сообщает смешение рас, а также в ее самых высоких устремлениях”. На просьбу назвать одно из них Бретон дает характерный ответ: “Покончить с эксплуатацией человека человеком”³ — очередное свидетельство взаимосвязи поэтической и политической составляющих образа.

1 августа Бретон отплывает во Францию. Несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства, подчеркивал он четырнадцать лет спустя в интервью Андре Парино, Мексика его несколько не разочаровала. Свой мексиканский опыт поэт претворил в ряде эссе — прежде всего в “Воспоминании о

1. Breton A, Valle R.H. Diálogo con André Breton // Revista de la Universidad de México. 1938 (junio). № 29. Vol. V. P. 6.

2. Breton A (Œuvres complètes, vol. II. P.: Gallimard, 1992. P. 1207.

3. Breton A, Valle R.H. Diálogo con André Breton. P. 6–7.

Мексике” (1938), напечатанном в самом последнем номере “Минотавра” (№ 12–13, май 1939 года), что делает публикацию в высшей степени символичной, – и творческих проектов, организовав в марте 1939 года в Париже тематическую выставку “Мексика”, на которой было представлено в общей сложности 144 экспоната: образцы народного творчества (ретаблос, сахарные калаверы, алтари мертвых, керамика, игрушки), памятники искусства доколумбовой эпохи, мексиканская живопись XVIII–XIX веков, 32 фотографии Мануэля Альвареса Браво и 18 работ Фриды Кало. Предисловие к каталогу Бретон начинает с очередного признания в любви к Мексике: “Что сказать о том, что любишь, и как заставить его полюбить?”¹. Хотя Мексика не ответила сюрреалистам взаимностью, ее образ обрел исключительную глубину и яркость, отразившись во французском зеркале².

1. Breton A. Œuvres complètes, vol. II. P. 1232.

2. Более подробно о рецепции сюрреализма в Мексике и рецепции Мексики сюрреалистами см. нашу статью: Гладошук А. В. Мексика в поле сюрреалистической революции // Литература и революция. Век двадцатый / Научная серия “Литература. Век двадцатый”. Выпуск 4. – М.: Литфакт, 2018. – С. 436–462.